

НАРОДЫ СССР

Л. И. Лавров. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, 184 с.

«Страна гор», «Гора языков»... Кому неизвестны эти меткие и образные эпитеты, которыми не без основания нарекли Дагестан еще средневековые писатели и путешественники. Исключительная пестрота этнического состава Дагестана и Кавказа в целом издавна поражали воображение всех, кто близко сталкивался с этим поистине удивительным уголком нашей Родины. Но в ту далекую эпоху загадка эта казалась неразрешимой. «Один только Аллах в состоянии перечислить все языки горы Кабх» (т. е. Кавказа.— В. К.),— писал в X в. один арабский географ. Позднее этот феномен стали объяснять «изоляцией в условиях горного рельефа и оседанием в горах осколков разноплеменных кочевников, которые в разное время проходили через Кавказ» (с. 4). Это наивное объяснение, если учесть, что на территории Дагестана, где наблюдается наибольшая языковая дробность (25 языков из 44 на всем Кавказе), лишь кумыки говорят на языке, принадлежащем к тюркской семье. Изрезанный рельеф, несомненно, во многом способствовал и замедлению темпов социально-экономического развития и развитию многоязычия на Кавказе, но для Дагестана, как пишет автор рассматриваемой книги, «мы находим дополнительную причину— господствующий там обычай эндогамных браков» (с. 4).

Уменьше найти «дополнительные» причины, аргументы и факты является отличительной чертой большинства работ Л. И. Лаврова— исследователя-кавказоведа необычайно широкого профиля. И в предлагаемых вниманию читателя «Очерках» автор предстает перед нами то в качестве этнографа— историка культуры (статьи «Революция быта на Кавказе», которой открывается книга, «О причинах многоязычия в Дагестане», «Кавказские тамги»), то «чистого» историка (статьи «Особенности социальных отношений на докапиталистическом Кавказе», «Станица Пашковская», «Проблемы этногенеза кавказских горцев»), то библиографа-архивариуса («Запрещенная в XIX в. повесть о Дагестане»).

Уже один перечень статей показывает, что в книге нет какой-либо единой связующей нити, но все их объединяет пытливая мысль исследователя, неутомимого в своих поисках исторической истины. И надо признать, что автор это делает с блеском даже там, где выступает в роли критика или историографа. В этом отношении весьма показательны две важнейшие статьи методологического характера: «Проблемы этногенеза кавказских горцев» и «Особенности социальных отношений на докапиталистическом Кавказе».

В первой из этих статей автор рассматривает состояние изученности вопросов происхождения народов Дагестана и Северного Кавказа и намечает генеральную линию будущих поисков и исследований. Для правильного понимания хода этногенетических процессов на Кавказе, как отмечает Л. И. Лавров, прежде всего следует уяснить ту простую истину, что «в горах селились... не от хорошей жизни»; «во все эпохи горцы пользовались любым удобным случаем для переселения на равнину, или, как говорят на Кавказе, на плоскость» (с. 34). Забвение этой истины приводит зачастую исследователей к грубым методологическим ошибкам. Последнее обстоятельство справедливо даже в отношении таких древнейших насельников края, как горцы Дагестана. Признание автохтонности народов Дагестана не снимает вопроса «когда и откуда попали сюда предки этих народов», поскольку известные на сегодня следы палеолита генетически отнюдь не связаны с современным населением Дагестана (с. 34—35). Касаясь вопросов формирования отдельных дагестанских народностей, автор указывает, что прогресс в исследованиях здесь зависит от успешного продвижения в изучении локальных этнических процессов, происходивших в прошлом. С этой целью следует продолжить разработку историко-этнографических монографий по отдельным народностям края, а также расширить сравнительно-лингвистические исследования местных языков. Существенное место при этом должно занять «обстоятельное изучение разноязычной и хронологически многослойной этно- и топонимии. До тех пор, пока не будут ликвидированы перечисленные пробелы, этногенетические построения дагестановедов не получают прочной базы» (с. 36).

Успешное решение проблемы происхождения народов Дагестана позволит, по мнению автора, правильно расставить акценты и в вопросе об этногенезе вайнахоязычных народов (чеченцев, ингушей и бацбийцев), ввиду того, что между этими двумя группами этносов существует глубокая историческая связь, отчетливо прослеживаемая на археологическом, антропологическом и языковом материалах. Не менее важно также вернуть исследования и в направлении изучения связи вайнахов с их соседями по Северокавказскому региону и Восточному Закавказью.

Более ясным представляется вопрос о происхождении осетин. Споры здесь ведутся лишь об удельном весе местного кавказского субстрата в формировании осетинского этноса. Некоторое преувеличение роли кавказского элемента в этом процессе, проскальзывающее в трудах отдельных ученых, происходит вследствие того, что вторичные антропологические, этнографические и языковые факторы они принимают порой за изначальные (с. 37).

Говоря об этногенезе тюркских народностей — балкарцев и карачаевцев, Л. И. Лавров отстаивает выводы об их кипчакской подоснове, сформулированные им в ряде более ранних работ. Он считает, что наследниками раннесредневековых тюркских племен — кипчаков, хазар и других являются, по-видимому, и близкие к карачаевцам и балкарцам по языку кумыки.

Общезвестен вклад Л. И. Лаврова в разработку проблемы происхождения адыгских и родственных им абазинских народов. В рассматриваемой статье автор привлекает новые исторические, лингвистические и этнографические данные, позволяющие пересмотреть многие из прежних устоявшихся представлений и, в частности, убедительно доказывает значительную роль, которую играли в прошлом предки ныне малочисленной абазинской народности (с. 41—47).

Большой интерес для кавказоведов самых различных дисциплин представляет статья «Особенности социальных отношений на докапиталистическом Кавказе», в которой автор рассматривает такие проблемы, как матриархат и время возникновения семьи на Кавказе, степень развития рабовладельческих отношений и вопрос о так называемых «вольных», или демократических, обществах, а также о характере землевладения в специфических условиях края. Не вдаваясь в детали и аргументацию автора, укажем только на некоторые основные положения статьи, чтобы показать, насколько свежи и оригинальны высказываемые им в этой статье соображения.

Так, например, материалы археологов, установивших, что дольмены, эти своеобразные погребальные сооружения, строились в расчете на захоронение членов малой семьи (одно—три захоронения на дольмене), служат для Л. И. Лаврова убедительным доказательством того, что уже в III—II тысячелетиях до н. э. на Северо-Западном Кавказе основной хозяйственной ячейкой общества была малая семья, хотя и тесно связанная еще разного рода производственными и иными узами с другими родственными семьями (с. 12).

Переходя далее к проблеме матриархата, Л. И. Лавров снова оперирует археологическими материалами, теперь уже результатами раскопок курганных погребений VII—IV вв. до н. э. В итоге вывод: «Даже в античное время ни о каких существенных пережитках матриархата на Северном Кавказе «не могло быть и речи» (с. 13). Здесь мы позволим себе не согласиться с автором. Коль скоро речь идет о скифском периоде античности, утверждение Л. И. Лаврова не вызывает особых возражений. Но с III в. до н. э. скифов на Предкавказских равнинах сменяют, как известно, сарматские племена, о которых современные им писатели прямо говорят как о «генейкократоменах», т. е. как об управляемых женщинами. Это в какой-то мере подтверждают и материалы археологических раскопок последних лет с территории Нижнего Придонья и Предкавказья. Таким образом, вопрос этот нуждается в более углубленном изучении и дифференциации.

Л. И. Лавров пытается выяснить социальную природу широко распространенных в горах Кавказа в эпоху позднего средневековья независимых сельских общин, или, как их часто называют, демократических, или «вольных обществ». На разностороннем историческом материале он убедительно доказывает, что существовавшие в этих обществах порядки, ошибочно рассматривающиеся как пережитки «первобытнообщинных отношений», возникли в результате «замедленного процесса классовобразования после освобождения крестьян от власти аристократов» (с. 15).

Столь же убедительно развеивает Л. И. Лавров и другой несостоятельный миф о якобы господствовавшем некогда на Кавказе (в первую очередь в Закавказье) рабовладельческом способе производства. «Распространенная концепция о господстве здесь рабовладельческих отношений также не имеет под собой прочной базы» (с. 22).

И, наконец, вопрос о характере землевладения в крае в период феодализма. «Кавказские материалы склоняют к выводу, что существование или отсутствие частной собственности на землю зависело не только от уровня развития социальных отношений, но и от наличия свободного земельного фонда» (с. 26, 27). Заключение для многих историков-медиевистов прямо-таки ошеломляющее по своей четкости и категоричности.

В небольшой рецензии невозможно остановиться на всех статьях «Очерков», но умолчать о статье «Кавказские тамги» просто нельзя. Это интереснейшие знаки собственности, из которых при благоприятных условиях развивались и знаки письменности (возможен был и обратный процесс), и геральдические гербы. В статье Л. И. Лаврова содержится сводная публикация собрания тамг, разбросанных по множеству изданий и мелких статей, общим числом 1384 знака! Столь полное собрание северокавказских клейм

публикуется впервые, что уже само по себе имеет огромное научное значение. Но, как это хорошо показал автор, на примере родословной абазинских князей Лоовых и кабардинского общественного деятеля XVIII в. Джабаги Казаного, тамги иногда могут служить существенным подспорьем в исторических разысканиях. Нет сомнения, что в будущем этот вид источников займет свое место в трудах историков и этнографов.

Итак, подводя итог всему изложенному, можно сказать, что кавказоведение пополнилось новым содержательным исследованием, а кавказоведы получили прекрасный пример того, как следует вести научный поиск, scrupulously собирая факты и преодолевая устаревшие концепции и взгляды, в том числе и свои собственные, коль скоро они оказываются в противоречии с самым главным для ученого — истиной.

В. П. Кобычев

Радянські свята і обряди в комуністичному вихованні. Київ, 1978, 256 с.

Новая обрядность, важная составная часть быта, освещалась во многих публикациях украинских этнографов¹.

Главная особенность рецензируемой книги та, что все ее содержание подчинено единой цели: в ней решается вопрос о месте и роли советской обрядности в системе коммунистического воспитания. Актуальность исследования новых праздников и обрядов под таким углом зрения несомненна. Она определяется задачами, поставленными XXV съездом КПСС в области идейно-политического воспитания.

Монография подготовлена сотрудниками Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. М. Ф. Рильского АН УССР, Государственного музея этнографии и художественного промысла АН УССР, Николаевского педагогического института им. В. Г. Белинского, Киевского государственного института культуры им. А. Е. Корнейчука.

Выход книги в свет был приурочен к Всесоюзному совещанию-семинару по социалистической обрядности, состоявшемуся в октябре 1978 г. в г. Киеве.

Источниковедческую базу работы составили собственные наблюдения авторов, данные официальной статистики и конкретных социальных исследований, а также сведения, извлеченные из опубликованных источников. Значительная часть этих материалов вводится в научный оборот впервые.

На Украине накоплен немалый опыт работы по совершенствованию и внедрению в быт новых праздников и обрядов. Скрупулезное изучение этого опыта, научное его обобщение, комплексный подход к исследуемой проблеме позволили авторам всесторонне осветить роль советской обрядности в формировании научного мировоззрения, в утверждении коммунистических норм морали, воспитании патриотических и интернационалистских чувств, преодолении религиозных пережитков.

Рецензируемое исследование, выполненное довольно большим коллективом авторов, представляет монографию, состоящую из введения и шести разделов.

Во введении сформулирована цель работы, кратко охарактеризованы успехи в развитии советской обрядности на Украине, показана материальная база новых праздников и обрядов, отмечена большая организационная и методическая работа обрядовых комиссий, действующих под руководством партийных и советских органов.

Первый раздел посвящен воспитательной роли историко-революционных и военно-патриотических праздников. Здесь дан ряд примеров проведения праздничных мероприятий. Обстоятельно обосновано положение о том, что успех массового праздника зависит от того, насколько он связан с реальной жизнью трудового коллектива, района, села, города. Авторы справедливо отмечают, что «документальность, обращение к конкретному историческому опыту и героике будней в их неразрывной связи с художественным решением — важное условие дальнейшего развития массового праздника как формы художественной пропаганды» (с. 45—46).

Во втором разделе, озаглавленном «Праздники профессий — отражение повседневного трудового героизма советского народа», по существу освещается вся трудовая обрядность современного городского и сельского населения Украины. Интересны описания профессиональных праздников судостроителей, праздника Серпа и Молота, обрядов, посвященных началу и окончанию различных сельскохозяйственных работ. Следует заметить, что авторы не ограничились только описанием, а попытались раскрыть воспитательное значение трудовой обрядности.

В третьем разделе «Семейная обрядность — неотъемлемая черта советского образа жизни» рассмотрены обряды торжественной регистрации брака и новорожденных, ком-

¹ Среди опубликованных работ по этой теме следует отметить коллективный труд «Свята та обряди Радянської України». Київ, 1971. Различные аспекты развития советской обрядности рассматривались в монографиях Л. Ф. Артюх, Н. И. Здорова, А. В. Орлова, А. П. Пономарева, Г. Т. Пашковой. Материалы по этой теме довольно часто появляются на страницах журнала «Народна творчість та етнологія».